

Алексей Гараджа

Плутарх. *Об угасании оракулов* 1–23
(перевод и комментарии)

ALEXEI GARADJA

PLUTARCHUS. *ON THE OBSOLESCENCE OF ORACLES* 1–23
(A TRANSLATION AND NOTES)

ABSTRACT. The publication presents the first part of a commented Russian translation of Plutarchus' (46 – after 119) *On the Obsolence of Oracles* (Περὶ τῶν εκλελοιπῶτων χρηστηρίων). The traditional Latin translation of the title is *De defectu oraculorum*; in Russian, the key notion was previously rendered, most often, as 'decline', but the Greek ἐκλείπω has at once a stronger and more polysemous meaning, implying 'abandoning, ceasing, dying', but also 'eclipsing (about Sun and Moon)', which connotations are actively exploited in the text. The immediate occasion for the discussion staged in the dialogue has supplied a wish to inquire into the question why, in Plutarchus' time, most Greek oracles have declined or ceased to function altogether. From this, the persons participating in the conversation, among them Lamprias as the author's *I*, the grammarian Demetrius, the Stoic Cleombrotus, the Cynic Didymus, and some others, come to discuss the nature of *daimones*, the intermediaries between gods and humans, who are supposed to be responsible for the functioning of oracles and mantic arts on the whole, and at some point the discussion turns to the question of how many worlds, or universes, there are or plausibly may be; this argument on the multiplicity of worlds is central in the text of the dialogue. The latter also serves as a genuine treasury for the fragments of many lost works attributed to quite a number of ancient thinkers and poets. In Lamprias' list of Plutarchus' writings, the dialogue is numbered 88 (though it is 26th in the fifth volume of Stephanus's classic edition), and is grouped with three other so-called Pythic or Delphic dialogues (*Isis and Osiris*, *The E at Delphi*, *The Oracles at Delphi no Longer Given in Verse*), which have long since been translated into Russian. The present translation is based on R. Flacelière's edition of the Greek text (1974).
KEYWORDS: Plutarchus, oracle, prophecy, demonology.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.
Платоновские исследования / Platonic Investigations 17.2 (2022) DOI: 10.25985/Pl.17.2.14

Диалог Плутарха (46 – после 119) «Об угасании оракулов» числится под номером 88 в Ламприевом списке сочинений писателя, а в классическом Стефановом издании *Opera omnia* Плутарха, подготовленном и опубликованном в 1572 году Анри Этьеном (1528/1531–1598), его порядковый номер в корпусе *Moralia* — 26. Пагинация диалога (409e–438d), на которую принято ссылаться при цитировании «Моралий», берется из переиздания Стефанова Плутарха 1599 года.

«Об угасании оракулов» относится к группе так называемых пифийских или дельфийских диалогов, наряду с уже давно переведенными на русский в рамках неоконченного проекта перевода всех «Моралий» под редакцией Л.А. Фрейберг и М.Л. Гаспарова: «Об Исиде и Осирисе» (Трухина 1977), «Об 'Е' в Дельфах» (Клячко 1978) и «О том, что пифия более не прорицает стихами» (Фрейберг 1978).

Греческое заглавие диалога Περὶ τῶν ἐκλείουπτῶν χρηστηρίων (традиционный латинский перевод — *De defectu oraculorum*) по-русски чаще всего передавалось как «Упадок оракулов», однако греч. ἐκλείπω одновременно и сильнее, и многозначней, предполагая «оставление, прекращение, умирание», но также «затмение (о солнце и луне)», что активно обыгрывается в тексте. Непосредственным поводом для дискуссии представлено желание дать ответ на вопрос, почему во времена Плутарха многие греческие оракулы пришли в упадок или вовсе перестали функционировать. Отсюда участники диалога, среди которых Ламприй (авторское «я»), грамматик Деметрий, стоик Клеомброт, киник Дидим, историк Филипп и другие, выходят на обсуждение природы демонов, посредников между богами и людьми, ответственных, как предполагается, за прорицалища и прорицание как таковое, а далее — к дискуссии о множественности миров, которая занимает в тексте центральное место. По ходу беседы Деметрий рассказывает о своем путешествии в Британию, Клеомброт — на берега Красного моря, то есть Персидского залива, Филипп — о плавании по Ионическому морю, на одном из островов которого некий голос провозгласил смерть великого Пана.

Помимо трактовки основных вопросов (в целом платонической) и этих любопытных отступлений, диалог содержит множество фрагментов несохранившихся сочинений древних мыслителей и поэтов, служа, таким образом, богатейшим источником для историков философии и литературы.

Перевод выполнен по тексту издания Р. Фласельера, опубликованного в Бюдеевской серии (Flacelière 1974), который содержит много важнейших исправлений и конъектур. В настоящей публикации представлен перевод только первой части диалога (главки 1–23, 409e–423c).

(1) Сказывают миф, о Теренций Приск, будто то ли орлы, то ли лебеди, вылетя от краев земли к середине, встретились в Пифо́, на месте так называемого пупа. Впоследствии Эпименид из Феста решил проверить этот миф у бога и, получив неясный и двусмысленный оракул, сказал:

Нет никакого срединного пупа земли или моря.

Если ж и есть, то известен богам, а смертным неведом¹.

Немудрено, что бог отверг того, кто вздумал проверять тот древний миф — будто какое-то изображение на ощупь. (2) Однако незадолго до Пифийских игр, происходивших уже в наши дни при Каллистрате², именно в Дельфах встретились два дивных мужа, которые шли с противоположных концов известной ойкумены, а именно Деметрий, грамматик, возвращавшийся к себе домой в Тарс из Британии, и Клеомброт, лакедемонянин, который долго по Египту странствовал, и землям троглодитов, и даже заплывал за море Красное — причем не в качестве торговца, а из желания увидеть больше и узнать³. Муж этот, обладая достаточным богатством, считал несτώщим занятием стремиться иметь больше, чем достаточно, вот и использовал досуг свой на такого рода вещи: он составлял историю, как то, что служит философии основой, а теология, как сам он это называл, — вершина философии⁴. Недавно побывав в святилище Аммона, он явно не нашел там ничего особенно чудесного, но вот история неугасимой лампы, которую он передал со слов жрецов, внимания достойна. А именно, из года в год они расходуют всё меньше масла, и полагают это признаком неравномерности круговорота лет, из-за которой

¹ «Сказывают... неведом» — фр. 3 В 11 DK (слегка измененный пер. А.В. Лебедева). Теренций Приск — друг и патрон поэта Марциала (см. Puech 1992 s.v.). Πυθώ — другое имя Дельф (Рi. Р. 4.66, 10.4, etc.), святилища бога Аполлона.

² Софист Каллистрат, блюститель амфиктионов в Дельфах ок. 83 г. до н.э. (см. Puech 1992 s.v.), не раз упоминается в «Застольных беседах» (М. 667d, 704d, etc.).

³ Об этих «дивных» (ἱεροί) мужах см. Puech 1992 s.v. Грамматик Деметрий из Тарса далее (419ef) сам рассказывает о своем путешествии в Британию; о посещении Клеомброта из Спарты берегов Красного моря тоже см. ниже (421a sqq.).

⁴ Как справедливо замечает Flacelière 1974: 183, ἱστορία здесь подразумевает научное изыскание в духе Геродота, сбор фактов не только собственно исторических, а θεολογία — не то же самое, что μυθολογία (как чуть ниже, 417f).

каждый следующий год всегда по времени короче предыдущего: ведь чем короче срок, тем, разумеется, и траты меньше.

(3) Присутствующих это удивило, Деметрий же сказал, что смешотворно вот так великое ловить из мелочей — даже не то, что рисовать, как у Алкея, «из когтя льва»⁵, но небо и весь мир пытаться опрокинуть какою-то фитильной лампой, а математику сводить на нет. Ответил Клеомброт: «Их не смутит такое, и они, конечно, не признают за математиками в точности расчетов превосходства: считая время по периодам и циклам, разбросанным настолько широко, те могут что-то упустить скорей, чем сами эти люди, кто со старанием снимают мерку масла и наблюдают неизменно отклонения, которые расчету не подвластны. Кроме того, Деметрий, отрицание, что в малом могут проступать знаки великого, будет помехою для множества искусств, поскольку это приведет к тому, что мы для многого лишимся доказательств, как и предвиденья — для многого другого. Однако же и вы, лишь встретив у Гомера слово ‘бритва’, пытаетесь нам доказать нечто значительное: будто герои себе тело ложили бритвою, или ссужали деньги в рост, раз где-то ‘причитающийся долг’ поэтом упомянут, ‘старинный и немалый’, при этом ‘причитаться’ толкуете как ‘прирастать’⁶. Опять-таки, когда он говорит о ночи ‘острая’, вы с радостью цепляетесь за это слово и объясняете, что это тень земли им названа ‘конической’ — поскольку его отбрасывает тело в форме сферы⁷. А как чумное лето предвидится искусством лекарским по избытию паучьей паутины по весне и если фиговые листья похожи на вороньи лапки, кто из приверженцев того, что в малом знаков быть великого не может, не усомнится в этом?»⁸ Кто потерпит, что хой воды или котила для вычисления размеров солнца

⁵ Alc. fr. 438 Lobel-Page.

⁶ «Вы» — это грамматики. *Il.* 10.173: ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς — букв. ‘на острие бритвы’, т.е. ‘на волоске’. *Od.* 3.367–368: χρεῖός μοι ὀφέλλεται, οὐ τι νέον γε / οὐδ’ ὀλίγον.

⁷ В греческом два слова *θοός*, одинаково звучащих, но разного происхождения: одно означает ‘быстрый’ (от *θέω* ‘бежать’), другое — ‘острый’ (без надежной этимологии); в *Il.* 10.394 подразумевается, конечно, первое. О конической тени шаровидной земли Плутарх рассуждает также в *De facie* = *M.* 923b.

⁸ О листьях смоквы в виде вороньих лапок ср. *Hp. Epid.* 6.9 и *Hes. Op.* 679–681.

служат? Или что острый угол, наклоном образуемый вот этих солнечных часов к плоскости почвы, берется мерой возвышения над горизонтом полюса, который всегда виден?⁹ Ведь вот что можно выслушать от прорицателей того святилища, поэтому им нужно возражать как-то иначе, если привычный, по завету предков, рас-
 порядок хотим мы солнцу непреложным сохранить».

(4) Воскликнул тут Аммоний, философ, бывший с нами: «Не только ‘солнцу’ говори, но сразу ‘всему небу’! Ведь неизбежно путь светила в его движении от одного солнцеворота до другого становится короче, и проходимый им отрезок горизонта не оста-
 411a
 ется прежним по охвату, как математики считают, но уменьшается, поскольку южный край всё время ужимается, сближаясь с северным; поэтому у нас и лето всё короче, и холодней температуры, раз солнце, сжавшихся границ не покидая, под знаками солнцеворотов до более высоких широт не достаёт. Поэтому и гномоны в Сиене во время летнего солнцеворота теперь уже отбрасывают тень¹⁰; поэтому и многие из неподвижных звезд за горизонтом скрылись, а иные соприкасаются друг с другом, даже совсем сливаются — пропал их разделявший промежуток. А если возра-
 б
 зят, что прочие небесные тела остались, как и были, и только солнце нарушает движения порядок, то в чем причина, что оно одно среди всех бег свой ускоряет, — они сказать не смогут, да и вообще запутают вконец механику светил, особенно луны: тогда и это отклонение доказывать замером масла нет нужды. Его вполне затмения докажут — как солнца, что всё чаще луною прикрывается, так и луны, тенью <земли> скрываемой всё чаще. Другие вещи тоже объяснимы, так что не стоит дальше разбирать их вздор».

⁹ Хоῦς ‘кружка’ и κοτὴλη ‘чашка’ — меры жидкостей (3.28 и 0.274 л соответственно), а водяные часы (клепсидра) использовались для измерения солнечного диска. Кадран (циферблат) солнечных часов располагался параллельно плоскости экватора (то есть только на экваторе он не отклонялся от плоскости горизонта), а гномон (указатель), соответственно, был параллелен оси полюсов.

¹⁰ На тропике Рака, где во времена Эратосфена (3 в. до н.э.) лежала египетская Сиена (Ассуан), в момент летнего солнцестояния солнце поднимается в зенит, а гномон не отбрасывает тени. Но положение тропика, как и видимое годовое движение солнца вдоль горизонта, со временем изменяется, завися главным образом от меняющегося наклона оси вращения земли относительно солнца.

Ответил Клеомброт: «Но я же сам замеры эти видел — их показали мне немало, и мера масла за текущий год заметно меньше установленных в древнейшие года».

c И снова перебил его Аммоний: «Значит, такого никогда не замечали среди других народов, у которых неугасимые огни чтут и из года в год поддерживают их, можно сказать, неограниченное время? А если допустить в этом рассказе зерно правды, не лучше ли предположить причиной избыток холода и влаги в воздухе, из-за которых пламя чахнет и, как видно, уже не забирает и не требует так много пищи? А может, и наоборот — избыток сухости или тепла. Насчет огня я уже слышал от кого-то, что он зимою горит лучше, поскольку из-за холода сильно сжимается в себе, сплочается, тогда как в засуху слабеет, теряет плотность и хиреет; а если он горит на солнце, выходит еще хуже — за топливо берется вяло и медленней его снедает. Лучше всего, наверное, причину с самим маслом увязать: ведь в старину, вполне возможно, его изготавливали из молодых побегов, так что там было много негорючих и водянистых примесей, ну а потом, настоящее и обогащенное на зрелых, выросших деревьях, оно могло в таких же, как и прежде, количествах оказываться крепче и служить лучшей пищей для огня. Этим хоть как-то можно отстоять гипотезу жрецов Аммона, пускай из ряда вон и неуместную».

(5) Когда умолк Аммоний, я сказал: «А может, Клеомброт, ты лучше нам поведаешь о том оракуле? Ведь слава тамошнего бога e когда-то встарь была великой, теперь же будто подуwała».

Но Клеомброт молчал, потупив взор, и слово взял тогда Деметрий: «Нам ни к чему вопросы задавать и голову ломать о том, как там дела, когда мы у себя здесь видим угасание или затмение всех прорицалищ, кроме, возможно, одного-другого — лучше исследуем причину, по какой они настолько ослабели. Нам даже незачем о прочих говорить, когда оракулы Беотии, встарь оглашавшие своим многоголосьем всю страну, теперь иссякли совершенно, как будто пересохшие потоки, и прорицания поражены в этой земле бесплодием великим. Ныне нигде, кроме Лебадии, f Беотия не может предложить для жаждущих какой-либо другой

вещий источник: тишь и запустение царят в других местах повсюду. А ведь во времена Мидийских войн «о многих» слава разносилась широко — об «Аполлона Птойского» оракуле, конечно, но также, в равной мере, и Амфиарая. Тот и другой был, кажется, 412a
 Мардонием испытан: «к Амфиарая он послал какого-то лидийца, другой же муж, кариец родом, был в Птоон им отправлен»¹¹. В последнем прорицатель, использовавший прежде эолийский диалект, на сей раз перешел, произнося оракул, на варварский язык, так что никто из всех, кто был там, ничего не понял — лишь тот, кто сам и вопрошал; так прорицатель явно показал, проникшись вещим вдохновением, что варварам добиться не дано, чтобы им эллинский язык когда-либо служил или повиновался¹². Лидийцу же, который был к Амфиарая послан, предстал во сне служитель бога и поначалу голосом его прогнать пытался, говоря, что бога нет на месте, а потом выталкивать его руками начал, но тот всё мешкал, и тогда по голове его изрядным камнем стукнул. И это b
 так или иначе предвосхитило то, что и случилось позже: Мардоний эллинами был разбит, которым предводительствовал не царь, но попечитель и слуга царя, и пал Мардоний от удара камня — совсем как получил по голове лидиец тот во сне¹³.

В те времена и прорицалище в Тегирах процветало, где, по рассказам, и родился бог; две речки, протекающие там, доньяне Пальмой и Маслиною иные называют. В пору Мидийских войн уста-

¹¹ Flacelière 1974: 105 восстанавливает испорченный текст всей этой истории с оглядкой на самого Плутарха (*Arist.* 19.2: хотя здесь кариец посещает Трофония, чей оракул находился в Лебадии), скорее чем Геродота (8.133–135), у кого о лидийце речи нет, а кариец (по имени Мис из Европа) посещает Трофония, оракул Аполлона в фокидских Абах, Аполлона Исмениа в Фивах, Амфиарая (близ Оропа на границе Беотии и Аттики) и, наконец, Птоон — храм и оракул Аполлона Птойского (по названию горы в Беотии); ср. также Paus. 9.23.6.

¹² Ср. *Them.* 6.4 (посланца персидского царя Фемистокл по решению народного собрания казнят за то, что тот осмелился пользоваться эллинским языком для передачи велений варвара) и *Ca. Ma.* 23.2 (Марк Катон осуждает греческий язык, пророча римлянам гибель от перенасыщения греческими писаниями).

¹³ Оракул Амфиарая предполагал инкубацию — погружение в сон вопрошавшего. Мардоний пал в битве у Платей, где греками командовал Павсаний — опекун малолетнего спартанского царя Плистарха, сына Леонида.

ми Эхекрата бог напороочил эллинам, что те одержат верх и будут победители¹⁴. Уже в Пелопоннесскую войну из Дельф оракул получили делосцы, изгнанники с родного острова, с велением место рождения Аполлона отыскать и совершить там жертвоприношения¹⁵. Пока те недоумевали и гадали — бог разве не у них на острове родился, а где-то там еще? — вдогонку пифия рекла, что место то укажет им ворона. И вот они пустились в путь и, оказавшись в Херонее, услышали, как об оракуле в Тегирах хозяйка их харчевни с гостями речь ведет, которые туда и направлялись. Перед своим уходом чужестранцы, прощаясь, женщину по имени назвали — Короною, то есть ‘Вороной’. Тут делосцы речение, которое им пифия дала, уразумели, свершили жертвоприношение в Тегирах, ну а немного времени спустя им выпала возможность и они к себе на родину смогли вернуться.

Признаки жизни эти прорицалища являли и во времена не столь далекие — теперь же все угасли. И раз уж мы сейчас дома у пифии, нам стоит озадачиться причиной такой-то перемены».

(6) К тому моменту мы уже от храма отделились и подошли ко входу в Дом книдян¹⁶. Зайдя, мы встретились с друзьями, с которыми хотели повидаться: они сидели, поджидая нас, внутри. Здесь было тихо в эту пору: другие разошлись размяться, а кто-то — на атлетов посмотреть¹⁷. К оставшимся с улыбкою Деметрий обратился: «‘Правду ль скажу, ошибусь ли?’¹⁷ — но, кажется мне, вы не заняты сейчас ничем достойным: сидите, вижу, тут расслабившись вконец, разгладив совершенно лица».

В ответ Гераклеонт, мегарец, возразил: «Ну да, мы не исследуем, какая именно из двух лямбд пропадает в будущем време-

¹⁴ Чуть подробнее Плутарх передает этот рассказ в *Pel.* 16.5–7, где храм Аполлона Тегирского локализуется под горою Делос и недалеко от Птоона (хотя последний располагался на противоположном берегу Копайдского озера).

¹⁵ Делосцы были изгнаны афинянами в 422 году (см. *Th.* 5.1, *D.S.* 12.73).

¹⁶ Этот «клуб» (ἄλσχη) жителей Книда в священном округе Дельф, к северу от храма Аполлона, над источником Кассотида, упоминает Павсаний (10.25.1), подробно описывая далее выставленные там картины знаменитого Полигнота.

¹⁷ Дело было как раз накануне Пифийских игр (ср. выше, 410а). «Размяться»: собственно, «натереть тело маслом» (ἀλείφω), готовясь к соревнованиям.

¹⁷ *Hom. Od.* 4.140 (пер. В.В. Вересаева).

ни в глаголе βάλλω, не ищем, от каких простых имен выводятся такие формы, например, как ‘худший’, ‘лучший’, ‘наихудший’, ‘наилучший’. Вот от таких вопросов и иных в таком же роде, наверное, морщины по лицу идут. Но есть ведь и другие, которые по-философски можно обсуждать, исследовать вполне спокойно, не двигая бровями и на присутствующих грозных, раздраженных взглядов не бросая».

«Ну что ж, тогда примите нас, — сказал Деметрий, — а с нами и вопрос, который нам пришел на ум, вполне естественный для места, где мы сейчас — где всякому его подсказывает бог. И хмурить брови даже не пытайтесь!»

(7) Итак, мы к ним подсели, и перед всеми вместе Деметрий изложил нашу проблему. Тут же вскочил киник Дидим, по прозвищу Бродяжник, и, дважды или трижды грянув посохом, вскричал: «Ого! Вы к нам явились с непростой задачей, которую требуется долго разбирать. Конечно, удивительно, когда вокруг разлито столько зла, что человеческую жизнь оставили и Стыд, и Совесть, как древле Гесиод вещал, но даже Промысел богов — Проноя исчезла отовсюду, оракулы собрав и захватив с собою¹⁸. Но я, напротив, предлагаю разобрать, как получилось так, что этот не умолк, и почему Геракл или другой кто из богов не умыкнул опять треножник, заваленный постыдными, безбожными вопросами, которыми забрасывают бога: одни его стремятся испытать, будто какого-то софиста, другие же покоя не дают расспросами о кладах и наследствах и беззаконных браках. Так что приходится слова оспорить Пифагора, что люди предстают лучше самих себя, стоит им только приступить к богам¹⁹. Ведь все заболевания души, все страсти, которые перед почтенным человеком прилично скрыть и отрицать, богу подносят в голом, неприкрытом виде».

Он собирался говорить и дальше, но тут Гераклеонт схватил

¹⁸ Ср. Hes. *Op.* 199–200. Стоический «промысел» олицетворяется Плутархом (как и гностиками), и важно помнить, что греч. πρόνοια — женского рода.

¹⁹ О похищении Гераклом дельфийского треножника см. *De E* 6 (*M.* 387d), Paus. 10.13.8, Ps.-Apollod. 2.6.2. О характере вопросов ср. *De Pyth. or.* 18 (*M.* 408c). Речение Пифагора в несколько измененном виде воспроизводится Плутархом в *De sup.* 9 (*M.* 169e). И Геракл, и Пифагор были у киников в особом почете.

его за плащ, а я, будучи связан с ним, пожалуй, ближе всех, сказал: «Довольно, друг Бродяжник, нападать на бога! Он сдержан и уравновешен, и 'осужден кротчайшим быть для смертных', как Пиндар говорит²⁰. Кем бы он ни был — солнцем или, может быть, владыкой солнца и отцом, и за пределами всей видимой вселенной, — невероятно, чтобы он счел недостойными своих вещаний сегодняшних людей, ведь он — первопричина их рождения и их питания, их бытия и их мышления²¹. Невероятно также и чтобы Пронойя, как благосклонная и рассудительная мать, которая всё делает для нас и сохраняет, вдруг стала мстительною в том, что к прорицанию имеет отношение, и забрала бы у нас то, что изначально и дала сама же. Как будто раньше не было больше злодеев, да и вообще людей — в те времена, когда оракулы были основаны во множестве мест ойкумены. Садись обратно и, борьбу с пороком, который бичевать привык ты непрестанно, Пифийским перемирием прервав, попробуй вместе с нами отыскать какую-то иную причину угасания оракулов, которую мы обсуждаем, да постарайся благосклонность бога не терять и не гневить его».

Проговорив это, я лишь того добился, что наш Бродяжник подошел к дверям и вышел, не сказав ни слова.

(8) Все ненадолго замолчали, затем Аммоний вот что мне сказал: «Смотри же, Ламприй²², что́ мы будем делать, и за словами вдумчиво следи, чтобы сам бог у нас не перестал служить причиной. Ведь если угасание оракулов, которые умолкли, приписать не воле бога, а какой иной причине, это даст повод заподозрить, что не от бога, а как-то иначе они и существуют, и возникли. Но если бог — создатель прорицанья, не существует силы большей и сильнейшей, чтобы его искоренить и угасить.

Слова Бродяжника мне не по нраву, среди прочего, из-за того, каким непостоянным у него представлен бог: где-то от зла он может отвернуться и отречься, а где-то — зло, наоборот, принять. Как

²⁰ Fr. 149 Snell-Maehler. Ту же строку Плутарх приводит в *M.* 394a и 1102e.

²¹ Переключка с платоновским ἐλέκειναι τῆς οὐσίας (*R.* 509b et iuxtim).

²² Так звали деда, брата и сына Плутарха. Двое первых выводятся в его диалогах, не только этом (здесь Плутарха представляет брат; см. Ziegler 1951: 642–646), а сын, согласно *Суде* (λ 96), — составитель каталога его сочинений.

будто царь какой-нибудь или тиран перед злодеями одни ворота запирает, но вел с ними дела и позволял войти через другие.

Творениям богов больше всего присущи мера и достаточность, они не терпят ни излишка, ни нехватки. Приняв это за отправную точку, вот что отсюда можно заключить. Всеобщим обезлюдением от прежних войн и распрей, затронувшим почти всю ойкумену, больше других была поражена Эллада, так что сегодня в целом вся страна может набрать едва три тысячи гоплитов — а ведь когда-то ровно столько один лишь град мегарцев отослал к Платеям. Тогда своим уходом из многих прорицалищ бог обличает запустение Эллады. Так вроде всё выходит складно²³. Кому была бы польза от того, что прорицалища в Тегирах или Птооне работали как некогда, раз ныне в тех местах часами никого не встретить — ну разве только пастуха со стадом?

Вот и оракул здешний, первостепенный как по древности своей, так и по славе, долгое время, говорят, заброшен был и недоступен из-за свирепого дракона²⁴. Однако те, кто говорят так, ошибаются, следствие путая с причиной: чудовище не сотворило запустенье, а было им привлечено. Когда по воле бога усилилась Эллада городами и вся земля наполнилась людьми, стали использовать двух прорицательниц, которые спускались в храм попеременно, а третью назначали про запас. Теперь только одна вещунья, и мы совсем не против, поскольку и одной на всё хватает. Поэтому и нет причины бога обвинять, раз вещего искусства, сколько бы ни было его и ни осталось, для всех достаточно, и всякий покидает прорицалище, ответы получив на все свои запросы.

Вот Агамемнону девять глашатаев едва смогли помочь уговорить собрание — из-за огромного стечения народа²⁵; здесь же у нас спустя немного дней увидите, как голос лишь один собравшихся в театре досягает всех. И так же, если встарь пророчество

²³ Читаем по Flacelière 1974: 109: † ἀκριβοῦς ἂν αὐτῷ ὑπάρχῃ τι τῆς εὐρησιλογίας. Этот «складный» вывод отталкивается от «отправной точки» чуть выше.

²⁴ Точнее, драконихи (δράκαινα); женского рода дельфийский змей и в *H. Ar.* 300–304, 356–374, но в *De facie* 30 (*M.* 945b) у Плутарха Пифон — мужского рода. Πύθων (м.р.) обозначало змея, а Πυθῶν или Πυθῶ (ж.р.) — место, то есть Дельфы.

²⁵ См. *II.* 2.95–100.

для большего количества людей использовало больше голосов, теперь, наоборот, нас точно удивило бы, когда бы бог оставил без внимания, чтобы вещания его впустую проливались, как вода, или как эхом в скалах крики пастырей и стад, пасущихся на запустелых землях, отдаются».

(9) Вот что сказал Аммоний, и поскольку я хранил молчание, ко мне с вопросом обратился Клеомброт: «Так ты уже считаешь данностью, что и создание, и упразднение этих оракулов — работа бога?» — «Нет, отнюдь, — ответил я, — я думаю, что никакой оракул, никакое прорицалище не упраздняется виною бога. Он создает и дарит нам много других благ, но природа каких-то нас лишает, подвергая порче; точнее говоря, сама материя, которая по сути есть лишение, нередко возгоняется и разлагает то, что рождено превосходящею причиной. Так что, на мой взгляд, помрачение и упразднение пророческих сил вызвано иной <причиной>: бог дарит человечеству много всего прекрасного — но ничего нетленного; как говорит Софокл, ‘творения богов погибнут — лишь сами боги гибели не знают’²⁶.

Сущность и силу их²⁷, как утверждают мудрые, нужно искать в природе и материи, при этом сохранять — по справедливости — за богом роль начала. Конечно, глупость и ребячество воображать, что сам бог, точно как чрево вещатели (которые ‘Евриклами’ именовались встарь, ну а теперь — ‘Пифонами’), входит в тела пророков и использует уста и голоса их как орудия²⁸. <Но бога> к свойствам человеческого тела приплетать — это величия его не уважать и не ценить его достоинства и высочайшей мощи».

(10) И Клеомброт сказал: «Ты правду говоришь. Однако тяжело усвоить и определить, как именно и до каких пределов включает-

²⁶ Fr. 85o Radt (сохранился только в этом тексте Плутарха).

²⁷ Здесь «их» отсылает к «пророческим силам» (μαντικά δυνάμεις) чуть выше, а «сущность и сила» (οὐσία καὶ δύναμις) — к философски понятым действительности и потенции (ср. *substantia* и *essentia* в схоластике).

²⁸ Ср. *De Pyth. or.* 7 и 20 (M. 397c и 404b). Ставшее нарицательным имя прорицателя Еврикла упоминают Аристофан (V. 1019) и Платон (*Sph.* 252c). Ср. также «одержимую духом прорицательным» (ἔχουσα πνεῦμα πύθωνα) в *Деян.* 16:16.

ся в игру Проноя, и потому равно грешат против приличия и меры и те, кто бога не считают причиной хоть чего-то, но и те, кто бога полагают причиной всего. Конечно, совершенно правы те, кто утверждают, что как раз Платон философов избавил от многих и глубоких затруднений, изобретая в основе порожденных свойств вещей тот элемент, который именуют ныне ‘материей’ или ‘природой’²⁹. Однако еще больше затруднений, и более глубоких, мне кажется, решили те, кто изобрел род демонов посередине между богами и людьми, чтобы служить, в каком-то смысле, соединительным, связующим звеном в нашем общении с богами. Откуда есть пошло это учение — от магов ли и Зороастра, из Фракии ли от Орфея, от египтян ли, от фригийцев — неважно: угадать его мы можем в таинствах любой из этих стран, видя, как много там увязано со смертью и со скорбью по умершим в справляемых обрядах и священнодействиях³⁰.

У эллинов Гомер еще, как видно, наравне использует то и другое имя, богов порой как демонов обозначая³¹. Впервые Гесиод четко и ясно установил всего четыре рода существ разумных: боги, демоны, герои, люди (после всех); при этом он как будто выделил особо людей из золотого поколения, преобразившихся во многих добрых демонов, как и других полубогов, которые в героев превратились³¹.

А кто-то допускает превращение не только тел, но равным образом и душ. Мы наблюдаем в том, как из земли рождается вода, и воздух — из воды, из воздуха — огонь, присущее материи движение вверх; вот так же человек, герой и демон — этапы превращения для лучших душ, а для совсем немногих есть возможность спустя немалый срок подняться и над демоном, свою очистив добродетель, и полноценно причаститься божеству. Случает-

²⁹ Речь о платоновском «третьем виде» — «кормилице» (см. *Ti.* 48e–51b).

³⁰ О маге Зороастре см. также *De Is. et Os.* 46–47 (*M.* 369d–370c). Дионис-Загрей, Осирис и Атис — центральные фигуры культа умирающего бога, по которому справляют траур, у орфиков, египтян и фригийцев соответственно.

³¹ Ср., например, *Il.* 3.420.

³¹ См. *OD* 122 и 159–160; ср. *Pl. R.* 468e–469a.

ся, однако, что иные, не в силах совладать с собою, слетают вниз и снова облекаются телами смертными, и жизнь словно в тумане тусклую и смутную влачат³².

(11) Но Гесиод считает также, что смерть и к демонам приходит спустя какой-то срок, намеком говоря о нем от имени Наяды:

Жизнь говорливой вороны равна девяти поколениям
Мужей цветущих, но четверть всего лишь от жизни оленя.
Ворон в три срока оленьих стареет — в девятую долю
Времени феникса — доли десятой, для нас отведенной,
Нимф пышновласых, Зевеса эгидодержавного дщерей³³.

Здесь время исчисляется огромной суммой для тех, кто 'поколение' берет в превратном смысле. На самом деле речь идет о годе, так что срок жизни демонов выходит девять тысяч, семьсот и двадцать — меньше, чем многие считают математики, но более того, что Пиндар отводил для жизни нимф, «которым боги выкружили жребий века, равного древесному», и потому он называет их 'гамадриады'³⁴.

И здесь на полуслове его прервал Деметрий: «Как можешь, Клеомброт, ты говорить, что 'поколением' тут назван год? Ведь не настолько короток срок жизни человеческой — и для мужей 'цветущих', и для 'возрастных', как кое-кто читает это место. Из чтения 'цветущих' на поколение выводят тридцать лет: согласно Гераклиту, за этот срок отец, родивший сына, увидит, как и тот родившим станет³⁵. Те же, кто пишат 'возрастных', дают сто восемь лет на поколение, коль скоро середину своей жизни мы отмечаем в пятьдесят четыре, а это сумма единицы, двух первых плоских

³² Ср. *Epin.* 973c, где Афинянин отрицает возможность для людей стать счастливыми и блаженными (μακαρίους τε καὶ εὐδαίμονιν), кроме немногих.

³³ Fr. 304 Merkelbach-West. Перевод О.П. Цыбенко, в котором, однако, пятистишие, сохраненное в тексте Плутарха, без объяснений дополнено строкой с путаной передачей строк из латинского перепева данного Гесиодова фрагмента Авсонием (Цыбенко 2001: 187). Уже древние авторы иногда читают в этом фрагменте ἡρώωντων 'стареющих' вместо ἡβώντων 'цветущих' (см. ниже). Наяда, согласно Σ Pi. P. 4.182 (= Hes. fr. 42 Merkelbach-West), — жена кентавра Хирона.

³⁴ Fr. 165 Snell-Maehler (пер. М.Л. Гаспарова) — у Плутарха цитата неточная. 9720 = 9 (ворона) × 4 (олень) × 3 (ворон) × 9 (феникс) × 10 (нимфа).

³⁵ Fr. 22 A 19 DK.

чисел, первых двух квадратных и первых двух кубических: всё те же числа и Платон использовал в своем 'Происхождении души'³⁶. И всё, что сказано здесь Гесиодом, как представляется, — намек на мировой пожар, когда не только жидкости исчезнут, но с ними заодно, наверное, и нимфы,

жизнь проводящие в рощах прекрасных,
Нимфы источников, рек и влажных лугов травянистых»³⁷.

(12) Ответил Клеомброт: «Такое слышал я от многих и вижу, что стоический пожар, уже напитанный стихами и Гераклита, и Орфея, теперь готов и Гесиодовы пожрать. Но я не принимаю всех этих разговоров про гибель мира; кроме того, нетрудно отмахнуться от этих невозможных и непомерных чисел, которыми, как ты упомянул, век исчисляется особенно вороны и оленя. А год в себе объемлет начало и конец всего, что 'производят поры года и выпускает в рост земля', и называть год 'поколением' людей вполне уместно³⁸. Ведь вы, наверное, согласны, что 'поколение' у Гесиода обозначает человеческую жизнь? Или же нет?» Деметрий с этим согласился, и Клеомброт продолжил:

«И вот что еще ясно: часто бывает, сама мера и то, что ею измеряют, обозначаются одним и тем же словом — вот, например, котила, хойник, амфора, медимн³⁹. 'Числом' прежде всего мы называем единицу, которая для всякого числа является началом и наименьшей мерой; так же и год, который для всей жизни человеческой является исходной мерой, обозначается им словом 'поколение', то есть тем именно, что измеряется.

Кроме того, и числа, которые они выводят, не обнаруживают ярких и заметных свойств, какие числам могут быть присущи.

³⁶ «Происхождением души» (ψυχογονία) Плутарх обозначает часть «Тимея» (34a sqq.), ср. особенно 35c. Первые «плоские» числа (ἐπίπεδοι) после начальной единицы (ἀρχή) — 2 и 3 (ср. *De E* 13 = *M.* 390d); отсюда $1 + 2 + 3 + 4 + 9 + 8 + 27 = 54$.

³⁷ *II.* 20.8–9 (пер. В.В. Вересаева). О «выгорании» (ἐκπύρωσις) мира см. ниже.

³⁸ Весь этот отрывок довольно сильно испорчен, переводим по Flacelière 1974: 114. В кавычках — парафраз фрагмента Гераклита (fr. 22 В 100 DK).

³⁹ Хойник и медимн — меры сыпучих тел, амфора — жидкостей, котила — тех и других; в медимне 192 котилы (52.53 л), в амфоре — 144 (39.5 л).

Так, девять тысяч семьсот двадцать восходит к сумме первых четырех, начавши с единицы, чисел, взяв каждое четыре раза, либо к произведению десятки на четверку: в обоих случаях выходит сорок, а если сорок пятижды мы умножаем натрое, как раз и получается то самое число⁴⁰.

Спорить с Деметрием на этот счет нам, впрочем, бесполезно. Короче или дольше срок, в который душа демона или героя заканчивает жизнь, определен он или нет — неважно, раз и без того всё, что он хочет, можно доказать из древних и доподлинных свидетельств, а именно — что где-то, так сказать, на рубеже между богами и людьми есть существа, которым страсти смертных, как и превратности судьбы, известны, которых правильно нам по завету предков считать за демонов и чтить под этим именем.

(13) А Ксенократ, Платонов друг, на треугольниках изобразил это наглядно, сравнив равносторонний с божеской природой, разносторонний — с человеческой и равнобедренный — с природой демонской: один повсюду равен, другой везде неравен, а третий где-то равен, а где-то и неравен, как и природа демонов, в которой сочетаются страсть смертных, но и сила божества⁴¹.

Сама природа поместила перед нами воспринимаемые образы и зримые подобия: богов солнце и звезды представляют, смертных — кометы, метеоры и проносящиеся звезды, по слову Еврипида, кому принадлежит это сравнение:

Вчера с цветущей плотью, бодр, ныне звездой,
С небес упавшей, гаснет, испустивши дух⁴².

Поистине подобие для смешанных тел демонов — луна, чьи перемены согласуются с вращением их рода, являя убыли, приросты, превращения, видя которые, одни зовут луну ‘звездой земною’, другие — ‘олимпийскою землей’, третьи — ‘подземным и небесным вместе Гекатовым уделом’⁴³.

⁴⁰ $1 \times 4 + 2 \times 4 + 3 \times 4 + 4 \times 4 = 40$. $40 \times 3^5 = 9720$.

⁴¹ Fr. 222 Isnardi Parente.

⁴² Fr. 971 Kannicht.

⁴³ В *De Is. et Os.* 26 (M. 361c) Плутарх пишет о метаниях демонов, приводя строки из «Очищений» Эмпедокла (31 В 115 DK). Эпитет $\delta\lambda\upsilon\mu\pi\iota\omicron\varsigma$ ‘олимпийский, sc. небесный’ применяется к луне также в *De facie* 16 и 21 (M. 929a и 935c).

Если между землею и луной взять и убрать весь воздух, рас-
торгнется связь и единство мира — из-за того, что в самой се-
редине получится пустое место в отрыве от всего. Так же и те,
кто рода демонов не допускают, рвут сообщение между богами
и людьми, их друг от друга отчуждают — толкующее племя это,
по словам Платона, которое нам служит, отменяя⁴⁴; а то и застав- f
ляют нас всё в кучу смешивать и бога низводить до человеческих
страстей и дел, притягивать под наши нужды, как, по рассказам,
фессалиянки — луну: эта проделка их завоевала веру среди жен- 417a
щин после того, передают, как в каждое затмение луны Аглаони-
ка, дочь Гегетора, которая была ученым звездочетом, делала вид,
будто она это, наколдовав, свела луну с небес⁴⁵.

Давайте сами мы не будем слушать никого, кто говорит, что
есть небоговдохновенные оракулы, или обряды и священнодей-
ствия, к которым боги безразличны; и вместе с тем не стоит пола-
гать, что в них вникает бог, содействует и помогает — лучше всё
это приписать богов служителям, которым и положено помощни-
ком или приказчиком работать, а демоны, мы предположим, по
миру кружат непрерывно, одни — смотрители при жертвопри-
ношениях и таинств соучастники, другие — кары исполнители
заносчивым и злодеяния великие творящим. Со всем почтением b
их Гесиод ‘святыми’ называет, которые дают —

Людам богатство: такая им царская почесть досталась⁴⁶,

считая, что творить добро — это по-царски. Но демоны, так же
как люди, достоинством различны⁴⁷: в одних природа страстная,
природа неразумная осталась лишь на самом дне — ничтожным,
смутным пережитком, в других она бьет через край и в общем

⁴⁴ Ср. *Smp.* 202e: Ἐρμηνεῖον [πᾶν τὸ δαίμονιον] καὶ διαπορθμεῖον θεοῖς τὰ παρ’ ἀνθρώπων καὶ ἀνθρώποις τὰ παρὰ θεῶν, «[сила всякого демона —] толковать и переправлять сообщения от богов к людям и от людей к богам».

⁴⁵ Об Аглаонике упоминается еще в *Con. praes.* 48 (*M.* 145cd), о фессалийских ведьмах, сводящих луну с неба, — в *De Pyth. or.* 12 (*M.* 400b); ср. также *Pl. Grg.* 513a.

⁴⁶ *OD* 126 (пер. О.П. Цыбенко); в строке 122 принятого текста читается δαίμονες εἶσι — против δαίμονες ἄνθρωποι по версии и Плутарха, и Платона (*Cra.* 398a и *R.* 469a).

⁴⁷ О различии демонов по достоинству (ἀρετῇ) ср. еще *De Is. et Os.* 25 (*M.* 360e).

неискоренима: следы и знаки этого присутствуют и сохраняются во множестве мест, будучи рассыпаны в обрядах жертвоприношений, священнодействиях и мифах.

(14) Что до мистерий, где мы можем обнаружить главные отсветы и проблески истин о демонах, то 'да хранят молчание мои уста', по слову Геродота⁴⁸. Поговорим о праздниках и жертвоприношениях, о несчастливых и унылых днях, в которые сырыми жертвы пожирают, их растерзав на части, или же постятся, в грудь колотя себя, и много где по храмам срамные речи раздаются:

И безумные 'алала!' с запрокинутыми шеями⁴⁹,

Я думаю, такое совершается не для кого-то из богов, но ради отвращения злых демонов, для их смягчения и ублагоотворения.

И человеческие жертвоприношения, которые практиковались встарь: невероятно, чтобы боги их требовали или ожидали, и вместе с тем не просто так цари и полководцы допускали, чтобы их собственные дети шли на заклание и умерщвлялись, но так стремились отвратить и искупить гнев и досаду своенравных, свирепых духов мести — или безумные и тиранические страсти любовные иных из них. Ведь демоны не могут, да и не хотят соединяться плотским способом, через посредство тел, но, так же как Геракл, который из-за девы осадил Эхалию⁵⁰, часто в насильственном пылу взыскуют человеческой души, в ограде тела заключенной, — и насылают мор на города, поля их поражают недородом и подстрекают войны и раздоры, пока им не удастся, наконец, заполучить предмет своих желаний.

А с кем-то происходит и обратное. Так, в пору, когда я на Крите провел изрядно времени, мне довелось увидеть необычный праздник, который там справляют: выносят мужа безголового кумир и говорят, что это Мол, который Мериона был отцом, а безголовым сделался после того, как силой нимфой овладел⁵¹.

⁴⁸ Hdt. 2.171. Плутарх, по-видимому, был посвящен в дионисийские и Элевсинские таинства (см. *M.* 611d, 671cd; 635a).

⁴⁹ Pi. fr. 70b (dith. 2.13–14) Snell-Maehler (пер. М.Л. Гаспарова); ср. *M.* 623b и 706e.

⁵⁰ Речь об Иоле, дочери царя Эхалии Еврита (ср. *Sph. Tr.* 476–478).

⁵¹ Вождь критян Мерион, сын Мола, упоминается в *Il.* 10.269–270.

(15) Что до рассказов о богах и гимнах, что о них поют: все эти похищения, скитания, исчезновения, изгнания, и в рабстве прозябания — всё это приключалось и случалось не с богами, но с демонами, в памяти ж осталось из-за достоинства и силы тех, кто это претерпел. Так что неправильно сказал Эсхил:

И к богу Аполлону: изгнан он с небес⁵²,

как и Адмет Софокла:

Гонит петух мой его к мельнице рано⁵³.

Но всего больше против истины грешат теологи из Дельф, которые считают, что некогда здесь бог со змеем за оракул бился, и позволяют и поэтам, и логографам наперебой об этом говорить в театрах — будто умышленно свидетельствуя против самых свя- 418a
тых в Дельфах справляемых обрядов».

Филипп — историк, бывший с нами, — такому удивился и спросил, против каких святых обрядов, по мысли Клеомброта, наперебой свидетельствуют эти люди. Тот отозвался: «Тех, которые имеют отношение к оракулу: как раз в них город посвятил всех эллинов вне Фермопил и вплоть до самых Темп⁵⁴. Но хижина, которую здесь ставят на току раз в девять лет, изображает не берлогу и не нору дракона, а дом какого-то царя или тирана. Подходят к ней, храня молчание, тропею — так называемой Долонией, которой Эолады при свете факелов сопровождают отрока о двух живых родителей, затем бросают в хижину огонь и, опрокинув b
стол, бегут, не оборачиваясь, через врата святилища; в конце концов, скитания и рабство мальчика и очищения, которые имеют место в Темпах, — всё это заставляет заподозрить здесь большую

⁵² *Supp.* 214 (пер. С.К. Апта, с изменениями).

⁵³ Fr. 851 Radt = 767 Nauck; «его» — это Аполлона.

⁵⁴ Дельфийская амфиктиония объединяла 12 народов, чьи представители собирались дважды в год сначала в Анфеле у Фермопил, позже в Дельфах — вероятно, после Первой Священной войны, положившей начало и Пифийским играм (см. Parke, Wormell 1956: 99–113). В Темпейской долине на северо-востоке Фессалии между Олимпом и Оссой Аполлон очистился от крови Пифона и, увенчав себя лавровым венком, вернулся в Дельфы и завладел оракулом (*Ael. VH* 3.1).

дерзость или святотатство⁵⁵. Ведь совершенно смехотворно, друг мой, думать, что Аполлон, убив какую-то зверюгу, был вынужден бежать для очищения на самый край Эллады, где совершал какие-то там возлияния и делал всё, что люди делают во испуге, стремясь унять и укротить гнев демонов, которым имя ‘мстители’ и ‘палачи’, так как преследуют за злодеяния, пускай и застарелые, и скверну их смывать не забывают⁵⁶. То, что уже услышал я об этом бегстве и переселении, ужасно неуместно и невероятно; но если всё же в этом есть какая-то частица истины, то, надо думать, то, что совершилось в то время у оракула, было совсем не мало важным и заурядным делом.

Чтобы не показалось, что поступаю я по слову Эмпедокла:

Скачу по словесам с вершины на вершину
И не держусь единственной стези⁵⁶,

позвольте то, что было сказано вначале, приличным заключением закончить — ведь мы к нему уже и подобрались. Итак, мы смеем утверждать, следом за многими другими, что угасание оракулов случается вместе с уходом демонов, ответственных за них и за искусство прорицания; с их бегством или же переселением оракулы теряют силу, но снова могут зазвучать, когда те возвращаются, пускай и через долгий срок, как музыкальный инструмент, когда тот, кто им пользуется, рядом и выступить готов».

(16) Вот как представил дело Клеомброт, на что Гераклеонт заметил: «Здесь нет непосвященных, нет профанов, кто в корне

⁵⁵ В *Quaest. Graec.* 12 (M. 293bc) Плутарх описывает Σελτήριον — один из трех праздников, справлявшихся в Дельфах раз в десятилетие в память о бегстве Аполлона в Темпы (за очищением либо преследуя Пифона) по так называемой Священной дороге, петлявшей и по самим Дельфам, а где-то в центре пересекавшей площадку древнего тока, куда поднимались по Долонии (см. Jeanmaire 1939: 387–411; Vommelaer 1991: 146). Имя отвечавших за обряд жрецов в рукописях спорчено; Flacelière 1974: 188 принимает Αἰολάδαι, хотя допускает и Θυιάδες.

⁵⁶ Плутарх обыгрывает имена духов мщения ἀλάστωρ и παλαμναῖος, возводя первое к λανθάνω ‘забывать’ (допустимая этимология), второе — к παλαιός ‘старый’ (фантазия, на самом деле παλαμναῖος — что-то вроде ‘рукоприкладца’).

⁵⁶ Fr. 31 B 24 DK.

с нами расходился бы во взглядах на богов; однако, друг Филипп, остережемся незаметно для самих себя пытаться опереть свое суждение на неуместные и далеко идущие предположения».

Филипп ему ответил: «Да, ты прав. Но что больше всего тебя смущает в том, что нам высказывал здесь Клеомброт?»

Гераклеонт на это так: «То, что оракулы имеют за собою не богов — которым вообще пристало держаться в стороне от дел земных, — но демонов, служителей богов, — мысль неплохая, как мне кажется. Однако взваливать на демонов, будто зачерпывая полными горстями из Эмпедокловых стихов, грехи и преступления и заблуждения, ниспосланные им богами свыше, и в довершение считать, что их, как и людей, ждет смерть, — это, мне думается, чересчур уж дерзко и по-варварски⁵⁷».

Тут Клеомброт спросил Филиппа, кто и откуда говоривший юноша, а выяснив, как звать его и из какого города он родом, сказал: «Мы не скрываем от самих себя, Гераклеонт, что нам пришлось прибегнуть к необычайным доводам. Но, рассуждая о значительных вещах, бывает невозможно обойтись без крупных допущений, чтобы достичь чего-то более правдоподобного. А ты вот незаметно для себя свое признание берешь назад. С существованием демонов ты согласился, но, утверждая, что они не могут быть несовершенными, ни смертными, ты их просто теряешь: ведь в чем тогда они бы отличались от богов, если по сути они вечны, а в плане добродетели свободны от страстей и безупречны?»

(17) Пока Гераклеонт в молчании над этим размышлял, Филипп сказал ему: «Гераклеонт, негодных демонов оставил нам в наследие не только Эмпедокл, но также и Платон, и Ксенократ, Хрисипп и Демокрит, с его молитвою встречать только 'счастливых призраков', откуда ясно, что знал он и других — зловещих и порочных в стремлениях и склонностях своих⁵⁸».

А что до смертности существ такого рода, то вот что слышал я от человека, который не был ни глупцом, ни пустозвоном. У ри-

⁵⁷ Ср. fr. 31 В 115 DK ο δαίμονες μακροβίωτες.

⁵⁸ Ср. Pl. *Smp.* 202e; fr. 213–230 Isnardi Parente (Ксенократ); SVF 2.1104 (Хрисипп); fr. 68 В 166 DK (Демокрит).

тора Эмилиана, которого кто-то из вас ходил послушать, отцом был Эпиферс, согражданин мой и грамматики учитель⁵⁹. Так он рассказывал, что как-то раз, плывя в Италию, сел на корабль, перевозивший и товары, и множество людей. Однажды, уже вечером, недалеко от Эхинадских островов, ветер утих, и судно отнесло в воды близ Паксоса. Почти никто на корабле не спал, а многие после обеда выпивали. Внезапно с Паксоса донесся громкий крик: кто-то звал с острова какого-то Тамуса. Всех это удивило. Тамус же, египтянин родом, был кормчим, но немногие на корабле знали его по имени. Дважды Тамус услышал зов, но всё хранил молчание; на третий раз, однако, отозвался. Тогда сказал ему, повысив голос, звавший: 'Как доберешься до Палода, ты должен объявить, что мертв великий Пан'⁶⁰».

«Услышав это, все были поражены, — продолжил Эпиферс, — и стали обсуждать наперебой, как лучше поступить: то ли приказ исполнить, то ли не суетиться и не соваться не в свои дела. И вот как для себя решил Тамус: если поднимется вновь ветер, он мимо проплывет и промолчит, но если сохранится штиль и ничего в том самом месте не будет нарушать морскую гладь, он повторит то, что услышал. И вот, когда и у Палода не обнаружилось ни ветерка, ни волн, Тамус, встав на корме лицом к земле, всё, как услышал прежде, повторил — что мертв великий Пан. Он даже не успел еще умолкнуть, как поднялся великий стон, причем не одного, а многих, в котором слышались и крики изумленья.

Поскольку множество людей было при этом рядом, слух быстро долетел до Рима, и вот уже Тиберий Цезарь велел прислать к себе Тамуса. Вполне поверивши его рассказу, Тиберий захотел узнать и изыскать о Пане всё, что только можно; филологи, ко-

⁵⁹ «Греческий ритор Эмилиан» упомянут Сенекой Старшим (*Contr.* 10.5.25), никейский «грамматик Эпиферс (Ἐπιθέρησις), писавший о выражениях в аттических комедиях и трагедиях», — Стефаном Византийским (s.v. Νίκαια).

⁶⁰ Имя кормчего — отсылка к царю египетских Фив у Платона (*Phdr.* 274de). Эхинады — острова в Ионическом море против Итаки; немного северней, уже у берегов Эпира, к югу от Коркиры находится Паксос; Παλώδες — лагуна у расположенного еще севернее Буфрота (Πηλώδης λιμὴν 'илистая гавань', *Str.* 7.7.5).

торых много было при его дворе, предположили, что Пан сыном был Гермеса с Пенелопой⁶¹».

И кое-кто из бывших тогда с нами рассказ Филиппа подтвердили — они когда-то слышали его от старика Эмилиана.

(18) Потом Деметрий рассказал о множестве пустынных островов, разбросанных у берегов Британии, иные из которых называются по демонам или героям⁶². Он сам, отправленный в края те императором, чтобы разведать их и разузнать, сплавал на самый ближний из тех островов пустынных; немногих обитателей его британцы неприкосновенными считают и святыми.

Вскоре после его прибытия великое смятение произошло в воздушной области, и появилось множество знамений, сорвались с цепи грозные ветры и молнии обрушились на землю. Когда всё улеглось, островитяне объявили, что только что угасла какая-то из высших сил. И пояснили: «Никому не страшно, покуда лампа зажжена, но если она гаснет, многим бывает крайне неприятно. То же относится к великим душам: пока они горят, их пламя ласково и благотворно, но затухание и гибель их приводит часто, как сейчас, к ветрам и сильным бурям, а часто и к поветриям чумным, которыми случается пропитан воздух».

Кроме того, по их словам, в этих краях есть также остров, где в заточении томится Крон, который под охраной Бриарея спит — сон для него придумали вместо оков, — и много демонов при нем в качестве свиты и прислуги.

(19) Тут снова Клеомброт взял слово: «Мне тоже есть что рассказать по этому вопросу; довольно и того, однако, что нашему предположению ничто ведь не противоречит и не мешает, чтобы всё так именно и было. Впрочем, о стоиках, — продолжил он, — мы знаем, что не только они о демонах того же мнения, что и изложенное мною, но и считают также, что среди богов, которых есть так много, извечен и бессмертен лишь один, другие же, как думают они, когда-то родились, но и умрут однажды⁶³».

⁶¹ Такое родословие Пана в эллинском предании приводит и Геродот (2.145).

⁶² Ср. рассказ Плутарха в *De facie* 26 (M. 941a–942a) об островах к западу от Британии, с явной отсылкой к описанию Атлантиды Платоном в *Ti.* 24e–25a.

⁶³ Ср. SVF 2.1049.

в А что касается эпикурейцев, то нечего бояться смеха и издевок их, которыми они и Промысел — Пронойю дерзают осыпать, клеймя ее как сказку. Мы же их Беспредельное считаем сказкой, которое среди стольких миров ни одного, который управляем был бы божьим словом, не приемлет, вмещая все миры только как те, что и возникли сами по себе, и состоялись лишь случайно. Если и впрямь имеет смысл смеяться в философии над чем-то, направим этот смех на призраков — глухих, слепых, бездушных, — которых, как стада, пасут они, давая им являться снова спустя бесчисленные годы, их всюду выводя по кругу, их вырывая иногда из тех, кто еще жив, а иногда — из тел, давно сгоревших или сгнивших. Такие вот пустые тени они в науку о природе тащат, а если кто возьмется утверждать — с опорой и на логику, не только на природу, — что демоны взаправду существуют и сохраняются и проживают долгий срок, вот уж они негодовать горазды!⁶⁴»

с (20) В этот момент беседу поддержал Аммоний: «Мне кажется, прав Феофраст, который заявлял: ‘Что нам прислушаться мешает к речи столь выпренней и более чем философской? Если ее отвергнуть с ходу, то мы разделаемся с многим из того, что твердо принято, хотя недоказуемо; а если поддержать, отсюда заодно не вытекает что-либо недействительное либо невозможное’⁶⁵.

д Со стороны эпикурейцев мне слышать довелось один лишь довод против оценки демонов, введенной Эмпедоклом, а именно что просто невозможно дурными и порочными быть тем, кто и блажен, и долговечен, порок же к смертоносному падению влечет, изрядной слепотою поражая. Такое возражение наивно. Сам Эпикур, похоже, хуже оказался в этом свете софиста Горгия, как Метродор — создателя комедий Алексиды: ведь продолжительностью жизни последний Метродора превзошел в два раза, а Горгий Эпикура — больше, чем на треть⁶⁶. Однако мы в ином клю-

⁶⁴ Fr. 394 Usener.

⁶⁵ Cp. fr. 263 Fortenbaugh et al.

⁶⁶ Эпикур прожил 72 года (341–270), Горгий — почти 100 лет (483–375); любимый ученик Эпикура Метродор Лампсакский умер за семь лет до учителя в возрасте 53 лет (330/1–277/8), Алексид прожил больше 100 лет (ок. 375 – ок. 275).

че считаем добродетель силой и слабостью — порок, не проводя здесь связи с крепостью или растлением тела. Вот и среди животных есть много вялых тугодомов, есть много непутевых и распутных, которые живут, однако, долее проворных и сметливых. Поэтому неправы те, кто вечность бога объясняют его способностью остерегаться и гибельных падений избегать. Невосприимчивость к страданиям и смерти должна в природе быть у существа блаженного и никаких усилий от него не требовать.

Хотя, наверное, не очень благородно вот так отсутствующих обсуждать. Так что, пожалуй, будет справедливо, чтобы сейчас продолжил перед нами Клеомброт свой прерванный чуть ранее рассказ о бегстве и изгнание демонов».

(21) И Клеомброт продолжил так: «Я буду удивлен, если мои слова вам не покажутся куда странней того, что говорилось прежде. И тем не менее, я думаю, они имеют отношение к науке о природе, а повод к ним задал Платон: конечно, мысль свою, вообще довольно смутную, он предъявил не напрямую, при этом осмоторительно подбросив загадочную оговорку — и всё-таки столкнулся с ярим осуждением со стороны других философов⁶⁷.

Здесь перед нами выставлен целый кратер со смесью мифов и историй — где же еще столь благосклонных слушателей встретишь, чтобы истории эти проверить (как проверяют чужеземные монеты), — так что теперь без промедлений я вас хочу порадовать рассказом о варваре одном. Найти его я смог лишь после долгих странствий, потратив на известия о нем большие суммы денег, близ моря Красного, где он однажды в год является перед людьми, оставшееся время проводя, по его собственным словам, в обществе нимф кочующих и демонов. Вот там и удалось насилу отыскать его и с ним, радушно встретившим меня, поговорить.

То был красивейший из всех людей, кого когда-либо мне доводилось видеть, и за всю жизнь он не страдал ни от одной болезни благодаря тому, что регулярно принимал раз в месяц горький плод одной лекарственной травы. Он был во множестве наречий искушен: со мною разговаривал — или, скорее, пел — он на до-

⁶⁷ Это замечание проясняется чуть ниже (421f–422a).

рическом, по большей части. Вокруг него, пока он говорил, всё наполнялось сладким ароматом, распространявшимся из уст его. Почти всё свое время он проводил в занятиях, наукой и историей, но раз в году переполнялся вещим духом и, выйдя к морю, прорицал. Правители и царские секретари в тот день к нему всё прибывали — или шли восвояси от него.

Свой вещий дар он выводил от демонов. Дельфы всё время были на его устах, и не было ни одного предания о Дионисе, ни одного священнодействия, какие здесь у нас в ходу, которого бы он не знал⁶⁸, и всё это он полагал великими страстями демонов, включая и всё то, что связано с Пифоном. Тот, кто убил Пифона, по его словам, не получил, как следствие, девятилетней ссылки в Темпы, но, изгнанный, в другой мир перешел, где пробыл девять лет великих⁶⁹, после чего, став чистым и взаправду Фебом, вернулся и наследовал оракул, который охраняла до поры Фемида⁷⁰.

В том же ключе он толковал истории Тифона и титанов: сражения демонов, одних против других, имели место, а затем — изгнание для побежденных или возмездие от бога виноватым. Так, например, Тифон против Осириса, как повествуют, совершил провинность, а Крон — против Урана, и в результате почитание обоих утратило у нас свой блеск или угасло совершенно, когда они в другой переместились мир⁷¹. Насколько я сумел узнать, всех больше почитали Крона встарь солимы, соседние ликийцам, но когда тот убил их предводителей, Арсала, Дрия и Трособия, бежал и куда только ни переселялся (они не могут куда именно сказать), они забросили его и нарекли Арсала со товарищи 'суровыми бо-

⁶⁸ Ср. тайный обряд в честь Диониса, упоминаемый в *De Is. et Os.* 35 (M. 365a).

⁶⁹ Великий год, идея которого восходит к Платону (*Ti.* 37d), определялся Макробием, например, как период в 15000 обычных лет (*Somn.* 2.11.11).

⁷⁰ Φοῖβος означает 'чистый, светлый, лучезарный', ср. *De E* 9 (M. 393c). Фемида, согласно Эсхилу, была второй после «первовещуньи» Геи-Земли, кто занимал престол дельфийского прорицалища (*Eu.* 2–4).

⁷¹ Тифон (Τυφών, он же Τυφωεύς) — дитя Земли и Таргара согласно Гесиоду (*Th.* 820 sqq.), то есть он не принадлежал к титанам, детям Земли и Неба-Урана, в отличие от Крона, оскопившего отца своего Урана (см. *Th.* 154–210). Тифон рано был отождествлен с египетским Сетом; в *De Is. et Os.* 12 (M. 356a) он назван сыном Крона и Реи и единоутробным братом Осириса, сына Гелиоса.

гами⁷¹; ликийцы именами их запечатляют все проклятия, публичные и частные⁷². Такие вот истории и множество похожих мы можем почерпнуть в сказаниях и мифах.

Нам, по словам того же чужестранца, не нужно удивляться, что иных из демонов зовем мы именами, нареченными богам. Ведь каждый демон склонен называться по тому, с кем из богов он связан, от кого он получает в долю силу и почет. Вот так же среди нас есть Дий, есть Афиней, есть Аполлоний, Дионисий и Гермей. Но если кое-кто по воле случая и наречен удачно, верно, то большинству прозвания по именам богов подходят слабо и по сути являются подлогом».

(22) На этом Клеомброт умолк, и все немало подивились его речи. Но тут Гераклеонт спросил, как это связано с Платоном и почему тот задал повод к этой речи. Тогда ему ответил Клеомброт: «Как ты отлично помнишь, идею бесконечного числа миров он с ходу отвергал, при этом затруднялся привести какое-то определенное число; вплоть до пяти — по миру на стихию, согласно тем, кто так предполагают, — он допускал правдоподобным, но сам держался одного. Этим своим особенным подходом Платон, как видно, отличается от прочих, кого сильно пугает множество миров — кто думает, что если одним миром материю не ограничить, а выйти за его пределы, им тут же с бесконечностью придется иметь дело, не знающей границ и трудной⁷³».

Тут я спросил: «А что тот чужестранец — он так же, как Платон, число миров определял или, пока вы говорили, этот вопрос ты не пытался поднимать?»

«Возможно ли, — ответил Клеомброт, — чтобы вопрос этот, как никакой другой, я упустил из виду, чтобы как рьяный слушатель себя не показал, когда мой собеседник сам столь благосклонно себя к моим услугам предоставил? Число миров не беспредельно,

⁷² Согласно Геродоту, солимы — исконные обитатели Ликии, называвшейся тогда Милиадой (1.173); Стефан Византийский утверждает, что солимы — прежнее имя псидийцев, а названы так по Солиму, сыну Зевса (s.v. Πισιδία). Σκίρροι (v.l. σκλήροι) θεοί — отражение местной анатолийской традиции.

⁷³ Платоновская позиция изложена в *Ti.* 55cd; ср. также *De E* 11 (*M.* 389f–390a) и *Arist. Cael.* 1.8–9, 276a–279b (у Аристотеля «небо» заменяет «мир/космос»).

он сказал, мир не один и их не пять — миров сто восемьдесят три⁷⁴. Они устроены фигурой треугольной, где в каждой из сторон — по шестьдесят миров; оставшиеся три находятся в углах, по одному на каждый. Друг друга смежные миры касаются слегка, кружась неторопливо словно в танце. Площадь внутри у треугольника — общий очаг для всех миров, и Поле Истины зовется⁷⁵; здесь неподвижные покоятся причины и эйдосы и образцы всего, что только было, и всего, что будет; их окружает Вечность, из которой к мирам будто течение несется Время. Всё это человеческие души, если их жизнь была благой, способны лицезреть и созерцать раз в десять тысяч лет. И даже лучшие из таинств здешних — лишь сон в сравнении с тем таинством, с тем высшим откровением; вся философия, все наши разговоры имеют лишь одну цель: нам напомнить о тамошних красотах — иначе в них нет смысла.

Такой вот я рассказ или сказание услышал от него — вполне как посвящение и в таинство введение, раз никаких ни доказательств он не предложил, ни доводов, чтобы поверить в это».

(23) Тогда к Деметрию я обратился так: «Напомни, как звучат стихи, где женихи всё восхищаются уменьем Одиссея управляться с луком?» Деметрий тут же мне напомнил, и я продолжил: «Вот и мне на ум приходит высказать о нашем чужестранце:

Высмотреть вот уж горазд он и притянуть незаметно⁷⁵ —

учения любого рода и сказания; он нахватался кучу их повсюду, и родом эллин он, конечно же, не варвар, раз эллинской ученостью настолько переполнен. Число миров его изобличает: оно взялось не из Египта, не из Индии, но от дорийцев на Сицилии, от мужа из Гимеры по имени Петрон. Сам я, признаться, его книжки не читал — даже не знаю, сохранилась ли она: Гиппис из Регия, однако, чье сообщение приводит Фаний из Эреса⁷⁶, передает, что

⁷⁴ Ср. Procl. *In Ti.* 138b.

⁷⁵ Платоновское выражение (*Phdr.* 248b).

⁷⁶ *Od.* 21.397. Одиссей — скрытный (ἐπίκλολος) знаток ('умеющий рассмотреть': θητήρ) луков, Плутарх же подменяет предмет «знаточества»; ср. пер. В.В. Вересаева: «Видно, он в луках знаток превосходный, но это скрывает»).

⁷⁶ Петрон — один из «старших пифагорейцев» (16 DK); Гиппис из Регия (ру-

именно Петрон когда-то высказал такое мнение — миров сто во- e
семьдесят три, они соприкасаются друг с другом ‘по стихии’; но
что это такое — ‘соприкасаются по стихии’, он далее никак не объ-
ясняет и не приводит доказуемых примеров».

Деметрий, перебив меня, заметил: «Какие доказательства воз-
можны в тех вопросах, где сам Платон лишь изложил свою пози-
цию, не дав разумных и правдоподобных оснований?»

«Но ведь от вас, грамматиков, — сказал Гераклеонт, — мы слы- f
шим, что восходит это мнение к Гомеру, который разделил все-
ленную на пять миров: небо, вода, воздух, земля, Олимп; из них
два остаются общими для всех — земля, которая есть дольный мир,
и горный мир Олимп, — а три посередине разделены между тремя
богами⁷⁷. Вот и Платон, с различными частями мироздания свя-
зав заглавные и самые прекрасные идеи и фигуры тел, их называ- 423a
ет, кажется, пятью мирами: земли, воды, и воздуха, огня, и, на-
конец, последний, все эти объемлющий, которому он приписал до-
декаэдр — весьма текучую и гибкую фигуру, которая лучше всего
подходит, согласуясь с ними, движениям и обращениям души⁷⁸».

«Ну почему опять, — сказал Деметрий, — мы вспоминаем
в данном случае Гомера? Довольно сказок с нас! Платон же пять
частей различных мира пятью мирами далеко не называет. В том
месте, где он спорит с теми, кто бесконечное число миров пред-
полагает, он сразу говорит, что сам в один лишь верит, единород-
ный и достаточный для бога, происходящий из телесного всего, b
который целен, совершен и самобытен. Поэтому достойно удив-
ления, что, высказав сам истину, Платон дал повод для других
прийти ко мнению, которое неубедительно и не имеет смысла.
Ведь если ты не держишься того, что мир один, это приводит,
так или иначе, к предположению о бесконечности вселенной; но
и пытаться ограничить число миров точь-в-точь пятью, не боль-

беж 5/6 вв.) — сицилийский историк (FGrH 554 F 5); Фаний из Эреса (ок. 375–300) — перипатетик и земляк Феофраста (fr. 12 Wehrli).

⁷⁷ Il. 15.187–193; ср. Plu. *De E* 13 (M. 390c).

⁷⁸ См. *Ti.* 53c–55c; отсылка к додекаэдру (σὺστασις δέκμητη) замыкает этот пас-
саж; пять платоновских многогранников названы в *De E* 11 (M. 390a): пирамида,
куб, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр; ср. также Ps.-Plu. *Plac. philos.* 2.5 (M. 887bc).

ше и не меньше, совсем противно разуму и неправдоподобно. Но, может, у тебя есть что сказать?» — и на меня взглянул.

И я сказал: «Мы, кажется, оставили уже тему оракулов, сочтя вопрос закрытым, и переходим к обсуждению другой, такой же значимой». «Нет, не оставили, — мне возразил Деметрий, — но и другую пропустить не можем, которая сама захватывает нас. Впрочем, мы много времени на это не потратим — лишь вскользь коснемся данного вопроса, чтобы проверить убедительность того, о чем здесь говорят, — а после возвратимся к исходному вопросу».

Литература

- Клячко, Н.Б., пер. (1978), «Плутарх. Об «Е» в Дельфах», *Вестник древней истории* 1.143: 234–252.
- Трухина, Н.Н., пер. (1977), «Плутарх. Об Исиде и Осирисе», *Вестник древней истории* 3.141: 246–268, 4.142: 230–249.
- Фрейберг, Л.А., пер. (1978), «Плутарх. О том, что пифия более не проричает стихами», *Вестник древней истории* 2.144: 232–253.
- Цыбенко, О.П., ред. (2001), *Гесиод. Полное собрание текстов*. М.: «Лабиринт».
- Bommelaer, J.-F. (1991), *Guide de Delphes. Le site*. École française d'Athènes.
- Flacelière, R., ed. (1974), *Plutarque. Sur la disparition des oracles*, in Id. (ed.) *Plutarque. Dialogues pythiques*, 83–165, 183–196. Paris: Les Belles Lettres.
- Jeanmaire, H. (1939), *Couroi et Courètes*. Lille: Bibliothèque universitaire.
- Parke, H.W.; Wormell, D.E.W. (1956), *The Delphic Oracle*. Vol. 1: *The History*. Oxford: Basil Blackwell.
- Puech, B. (1992), *Prosopographie des amis de Plutarque*, in Wolfgang Haase (ed.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 2.33.6.4831–4893. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Ziegler, K. (1951), «Plutarchos von Chaironeia», in *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Hbd. 21: cols. 636–962. Waldsee: Alfred Druckenmüller Verlag.